



ДОМНА ЖУНТОВА-ЧЕРНЯЕВА

БАРЩИНА

Фрагменты романа

Дочь русалки и Лёшка-подкидыш

...Недалеко от Смоленска на опушке леса раскинулось небогатое имение пана Новосельского. Вокруг убогие деревушки: Синяки, Рыбники, Саленки, Соболи. Время крепостное. Работали на барина крепачи, дворовые — и вольные, сезонные. История — в человеческой век длиной — начинается с красавицы Наташи Горшковой. Жила она в Синяках с тёткой и была сначала вольной. А потом... Не станем забегать вперёд. Длинными вечерами в девичьей Наташа о своей жизни рассказывала...

...Мои предки были дворовые. Мать, дочь кучера, красавицей слыла. Резвая была, мастерица по холсту и по вышивке, первая затейница петь и плясать. Песни сама складывала. Только я-то её не помню: воспитывалась у тётки Настасьи. Тётка была резкая и угрюмая. Была она вольная, работала только летом. Скажу ей:

— Отпусти меня на барщину — там весело, солдаты в барабаны бьют!

Она ответит сердито:

— Не торопись на тот свет, там кабаков нет!

Когда мне исполнилось семнадцать лет, тётка начала прихварывать, и я стала часто заменять её в работе. Как-то приехал к нам управляющий и заорал:

— Эй ты, Горшкова! За тобой большие недоимки! Работай или штраф плати.

— Да что вы, барин, мы даже по воскресеньям работаем!

— По воскресеньям не считается, как и по праздникам: там вы для своего развлечения идёте. Не даром же вам духовую музыку слушать да угощение получать!

— Пусть меня на этот раз Наташа заменит.

— Сколько ей лет? Несовершеннолетняя? Тогда будет считаться два дня за один.

Повернул лошадь и уехал. Тётка вслед ему погрозила кулаком: «Чтоб вас паралич разбил, кровопийцы!»

Перед уходом моим на барщину тётка наказала мне быть смирной. И рассказала, как погибла её сестра, а моя матушка за свою резвость. Правды нет на свете, а кривда сильна! Погубила мою мать старшая над дворовыми одноглазая Ульяна Кошелева, старая господская раба.

«Когда родила тебя матушка, — рассказывала тётка Настасья, — барыня позволила ей кормить одной грудью тебя, а другой барчука. Твоя мать Маша работала ещё в девичьей за старшую, так как все правила знала и мастерством Бог не обидел. На конюшне — на порке — она ни разу не побывала. Ей завидовали многие, а пуще всех одноглазая Ульяна, ревновала её к господам и копала яму. У барыни свои причины невзлюбить красавицу. Она ждала случая... Как-то девушки пришли из застольной и начали отмачивать — плясать с припевом:

Каши масляной поели,
На второе голубцы.
Спляшем, девушки, кадрили,
Придут парни-молодцы!

Пыль стояла столбом. Вдруг заходит (по наущению одноглазой) барыня: — Это что за пирушка в рабочее время?

Девушки не знали куда деваться от страха и стыда. Хозяйка строго поглядела на старшую:

— Маша, за мной!

Завела её в чулан и строжилась как хотела:

— Посади свинью за стол — она и ноги на стол! Неблагодарная, получи позорную скамью — при всех велю выпороть! А ребёнка твоего — завтра же чтобы здесь не было!

Маша пала к ногам барыни:

— Что я позорного сделала? Забылась на десять минут — так я за них десять часов отработаю. Простите, впервой я провинилась!

Маша стояла на коленях, слёзы рекой лились, но барыня была неумолима. Вечером Маша кинулась с берега в Днепр...»

— Вот история твоей матери, — закончила тётка. — Дёшево она продала свою жизнь, погубила свою душу!

...Назавтра я помолилась на иконы, надела сарафан кумачовый, плисом отороченный, и отправилась на барщину грести сено. На сенокосе народу тьма-тьмущая! Все луга смеются живыми цветами. Управляющий ездит на серой лошади, покрикивает да подганивает:

— А ну шевелитесь! Что вы как мёртвые! Видите, тучка идёт!

Народ суетится как мураши. Кто валы катает в копны, кто везёт, кто кладёт. Но вот время — час. У трёх дубов раскинута палатка, а рядом чугунная плита для сигнала на обед.

Вот к палатке подошёл красивой и стройной, белокудрой [так в тексте. — *О. Ш.*] парень с тальянкой в руках — Лёшка. Мы посмотрели друг другу в глаза — меня ровно варом обдало! Прозвучал сигнал на обед. Идут бабы, девки — на траву садятся, миски с супом дмятся. После обеда шёл дождичек — работать нельзя. Лёшка заиграл плясовую. Молодёжь пустилась в пляс. Я не смела показать своё мастерство, а тут ещё шептались: «Поглядите, какая краля! Это Маши-утопленницы дочь». Гашка начала припевки, все подхватили. Лёшка всё на меня поглядывал...

Дома я сказала:

— Тётка, мне на барщине понравилось.

Она угрюмо ответила:

— Глупым и брань за молитву.

Марфута, дворовая девушка (с ней я подружилась на сенокосе), мне рассказала, почему Лёшку зовут подкидышем. А то и дворняжкой. А потому, что кривая Ульяна нашла его на скамейке во дворе. Сидит, бедной, с запиской в руке, а на шее образок Алексея человека Божия. В записке сказано: «Заберите Лёшку — двухлетнего крошку». Принесла Ульяна Вавиловна его в людскую — собрались вокруг все дворовые и решили сообща кормить подкидыша. Хозяйка хотела в Смоленск в воспитательный дом отдать, но дворовые не дали: «Не объест, — мол, — вас, барыня, пускай растёт с Богом. Вам же работник пригодится. Може, он барской крови: Бог его знает, кто он такой». И то сказать: там как послушаешь — все нашего пана предки прошли через загадки да секреты, всё перепуталось...

Стала Ульяна Вавиловна Лёшке крёстной матерью, он её матушкой называет. Вся дворня его любит.

...Когда я всё это от Марфутки узнала, поняла, что Лёшка такой же бездельной, как я сама, — сердце затопила жалость. А Марфутка знай Лёшу нахваливает: начнёт ли на кулачки драться — всех мужиков играючи раскидает. И на тальянке играет, и грамоте понимает; а уж красавец — писаной! Наша беседа с Марфуткой закончилась тем, что я попросила передать Лёше мою горячую любовь.

Прошло несколько дней, погода всё стояла дождливая. На поля не ходили. Тётка узнала, что Лёша на меня заглядывается. Набросилась как тигра разъярённая:

— Хоть бы путной, а то щенок дворовой, дворняжка! Терпеть его не могу! Брешет хорошо — вот хозяин и повожает его. Такой же будет, как Ульяна — взъедуга людская — везде свой нос суёт!

Лёшка не работал — его дело было петь да плясать. Барин его и грамоте учил, дворовым Лёшка грамотки писал и читал. Чуть что — к нему. Но за что его тётка Настасья так срамит?!

...Назавтра, только солнце позолотило белёную колокольню Ново-сельской церкви, пошла я к заутрене. Навстречу Марфутка:

— Пойдём, Наташа, скорее! Лёшка тебя ждёт.

Пошли в имение, на край большого тенистого сада — там никто не ходит. Сердце колотилось. Подходим к старой раскидистой ветле — Лёшка стоит. В белой холщовой рубаше, кудри на солнце золотятся. Лёшка взял меня за руку. Марфутка ушла, мы остались вдвоём...

...Лёшка шёл по деревне и звонко пел под тальянку:

— Зачем ты, Наташенька, губишь того, кто увлётся тобой?

Услыхала тётка — взбеленилась:

— Послушай, как дворняжка смеётся над тобой при народе! Гляди, девка, брось с ним валадаться! Доведёт он тебя до позорной дороги! Глупая ты, неразумная! Вон Гришанов Васька — чем не жених? Двор новый, пчёлы, земли на три души. Хлеба своего полно, домашности хватает. Живи — не тужи. А у подкидыша тальянка — весь его пожиток. Да и крепак он, понимаешь ты это? А ты вольная, неуж воля тебе надоела?

— Хватит, тётка Настасья, браниться! Ни за что мне не надо Ваську Сухорукого!

— Дура, драться не будет — левой не так больно. Я же хочу тебя избавить от барщины, а ты сама пихаешь голову в тесный хомут! Я тебя берегла семнадцать лет как свой глаз, я тебе вторая мать.

— Простите вы меня, глупую... — я заплакала.

Тётка меня поцеловала в голову, тяжело вздохнула:

«Эх, молодость! Она бывает только раз. Твоя мать такая же была красавица. Не захотела принять позор, теперь живёт в услужении у водяной царевны. Первые годы многие её видели. Барышня Варя ещё была молоденькая; пошли с ней вечером купаться. Видим — у ракитового куста сидит красавица, волосы серебром блестят. Она веночек плетёт и поёт:

Я прошу тебя, Луна,
И тёмную ночку,
Я скучаю здесь одна,
Хочу видеть дочку!

Заметила девушек, крикнула: „Наташа!“ — и шлёпнулась в воду. Барышня убежала домой, рассказала матери. Поп потом ходил на то место молебен служить...»

...Старшую дочь панову барин просватал питерской, и Троица пришла — праздник! Все пошли венки заплетать, судьбу узнавать. Тётка говорит:

— Надевай, Наташа, малиновой сарафан, плисом отороченной. Да гляди, мой наказ помни! С подкидышем не знайся.

Понеслась я, земли под собой не чуя. Девки и ребята все собрались уж за деревней. Припустила я, только сарафан раздувается. Девочек тьма —

с трёх окрестных деревень. Скоморохи весело играют, нарядные девки поют:

Вы играйте, скоморохи,
А мы будем подпевать,
Через поле яровое
Приходите к нам гулять!

Пошли на опушку леса, где стоял цыганский хутор Ключ. Цыганы высыпали из палаток, как мураши; такой пошёл пляс — свету преставленьё! Вся толпа с песнями и плясом подвигалась к трём кудрявым берёзам, украшенным яркими лентами. Берёзы эти не один десяток лет принимали девичьи хороводы.

Эти три берёзы
Служили заветом,
Девичьи грёзы
Укрывали летом...

Встали мы вокруг наряженных берёз, взялись за руки, пошли и запели любимую песню «Во поле берёзонька стояла...» Пропели троицкие песни — начали заплетать плетень, играть и в просо, и в мак, и в уточку. Мы сплели руки. Лёшка меня держал за руку так крепко, будто не хотел никогда расстаться.

Но вот хоровод стал редеть. Пошли пара за парой рвать цветы и плести венки.

— Лёшка, пойдём за цветами. Я первый свой венок в жизни сплету — мне исполнилось семнадцать лет!

Принесли цветы незабудки,
Сели рядком у берёзы.
Парням потеха да шутки —
Девушкам горе да слёзы...

— Лёшка, скажи мне что-нибудь, мы так редко видимся.

— И то правда. Вчера спрашивает крёсна Вавиловна: «Ты, Лёшка, дружишь с Наташей? Брось! Не будет жизни — у неё мать утопленница. Не могли сыскать: видимо, русалки утащили на дно Днепра-реки. Показывалась она кое-кому. Пошел Антип-лапотник лыки драть — слышит, кто-то поёт; он спрятался в кусты. Сижу, говорит, ни живой ни мёртвой. Плывут по реке три русалки, а посреди Маша, я узнал её. Подплыли к берегу. Подождите, говорит она подругам, это знакомой куст: от моих слёз выросла плакучая ива. Вышла на берег, волосы как месяц горят! Сломала веточку.

Хочу пропеть давно
Про барскую развязку...
Кабы заманить на дно
Злую одноглазку!

Заиграла в дудочку... Потом села в волшебную лодочку и поплыла. Да разве можно с русалкиной дочерью связываться?»

— Это всё басни бабушки Меланьи! — говорю я Лёшке. — Мне тоже тётка напевает, что тебя любить нельзя: ты, мол, наушник, мужиков губишь.

— Да что ты, голубонька, это враки! Дворовые меня любят.

Тут подбежала Марфутка:

— Пошли! Все девки у реки!

А за Лёшкой, как назло, приехал кучер из имения: Леночка раскапризничалась. Забыла играть песню, какую с Лёшкой выучила, его к себе требует. Милой мой уехал, а я понесла к Днепру свой первый веноч.

Подошли к реке — все девки разом бросили венки. Каждая следила за своим. Венки плыли один за другим. Парни весело балагурили: «Вон Гашкин веноч первым плывёт — раньше всех замуж она пойдёт». А мой-то веноч, как заколдованной, вертелся-вертелся, попал в водомоину, оттуда под берег его затянуло, закидало грязью. Подплыла коряжина, зацепила мой веноч и утянула на дно...

Знать, не будет мне доли... Марфушка меня уговаривает:

— Брось горчиться. Лёшка тебя любит!

А меня душат слёзы.

— Передай Лёшке: люблю его больше жизни! Пусть придёт, я на берегу стану ждать.

Марфутка ушла. Я жду, а сердце и тает, и ноет... Сидела до заката — не пришёл! Обманул. Значит, не любит... Да, парням потеха да шутки, а девушкам горе да слёзы...

Пошла я домой. Поздний вечер. Что я скажу тётке? Нет, не покажусь! Пойду к подруге Палашке, она не выдаст. Залезла к ней на сеновал, крикнула:

— Палашка, ты тут?

Откликнулся детский голос:

— Это я, Кирюшка.

— А где Палашка?

— За воротами. Там дед Мокей на скрипке играет. Парни пришли и девки. И тётка твоя приходила, ищет тебя. Сваты, говорит, сидят да Васька Гришанов.

— А ты что рано пришёл спать?

— Матка набила, а я осерчал.

— Кирюша, поди скажи Палашке, пускай идёт спать. Обо мне, гляди, ни слова никому, только Палашке. Я тебе пятак дам, леденцов купишь.

Кирюшка понёсся как птаха за ворота. Слышу, у ворот его остановила тётка:

— Кирюшка, сбегай, сынок, ко Глашке, поди, Наташа моя там сидит. Вот горе, потерялась девка! Сваты ждут.

— Дашь пятак — найду. Знаю, где она, Настасья Ивановна.

— Вот пошли времена! Даром шага не хотят шагнуть! Давай пятак — и баста. А мы-то прежде за спасибо три версты бегали. Так и быть — держи пятак. Завтра Духов день, ярмарка, балаганщики приедут.

Кирюшка скоро вернулся вместе с Палашкой. Было смеху! Кирюшка брякал пятаками: «Пусть меня matka набила, зато я два пятака заработал! Вот так я! Завтра будут пряницы и баранцы!»

[...] Наутро тётка взяла меня за косу и давай возить:

— Я знаю, куда ты метишь, — за подкидыша! Не бывать этому! Пойдёшь за Гришанова!

Я бросилась тётке в ноги:

— Не губи меня! Ненавижу уroda скулистого! Я люблю Лёшку! В огонь и в воду пойду за ним! За Ваську не пойду — лучше утоплюсь!

Тётка поглядела недобрыми глазами:

— Возьмите её, бесстыжую! Родной тётке про любовь докладывает! Где это слышано и видано? Бес тебя опутал. Свят, свят, свят, помяни царя Давида и всю кротость его, отверни лукавого от безумной девушки! Правда, говорят, антихрист народился, вот и мутит крещёных! За утопленницей спешишь? Мать на себе чертей возит — и ты захотела? Да, от худого семени не жди хорошего племени...

...Надо быть в церкви, я тётке обещала, а сама сижу в саду, берёзе исповедуюсь:

Милая берёзонька,
Пожалей меня, сиротинушку,
Сердешный мой друг во неволюшке —
Не будет мне долюшки...

Но вот и он — крадёт как вор, оглядывается; идёт мой ненаглядной, белокудрой, милой друг.

— Приехал Варенькин жених — всех прямо загоняли! Насилу вырвался, замордовали совсем!

— А я пришла с тобой проститься навсегда. Не велят тебя любить попусту. Тётка поедом ест, метит меня за Ваську Гришанова. Так я лучше камень на шею...

— Подожди, моя пташенька, скоро хозяйка будет именинница, она по праздникам добрая. Выйду на круг — такого задам трепака, чертям тошно станет! Они это любят. Фокусы я им приготовил, новую песню. Угодишь — задарят, прогневишь — запорют. Уж я постараюсь — выпрошу позволение жениться.

— Ради тебя я обманываю старших и даже церковь обманула. Обедня отошла, мне давно пора домой, а меня неведомая сила держит.

В это время из-за кустов вышла Ульяна одноглазая, Лёшке названная мать:

— Так вот ты где, голубчик! А барыня там убилась, спрашивает! Дельно-дельно — совсем от рук отбился! Погуливает по саду, точно барин! Доханю

завёл! Где ты такой закон сыскал, чтобы холопья по садам расхаживали? Получишь ты берёзовой каши, а я маслица подолью — то-то смешно будет! Ты, девушка, люби Лёшку — прокормит, даровитой! Берёзовую кашу вместе станете кушать! Твоя матка не захотела такой-то вот отведать — дёшево продала свою жизнь. Я всё знаю — век живу за барской стеной. Не видала счастья — и другим не желаю. Я не виновата, что такой стала, — жизнь меня такой жестокой сделала, да ещё оспа добавила.

Одноглазая полезла в карман, достала свой портрет [миниатюру — *О. Ш.*], нарисованный Карлом, когда ей было восемь лет. Мы глядели то на портрет, то на злую старуху. Сходства никакого не было. Крестьянская девочка стояла, как ангел небесный весёлая, жизнерадостная. Нельзя подумать, чтоб ангельская кротость превратилась в злобу такой старухи, которая весь свой век мстит всем Бог весть за что.

У меня покатались слёзы. Вавиловна заметила:

— Ты что, никак плачешь?

Я говорю:

— Я боюсь, что стану такой же злой, как ты. Судьба меня уже начинает трепать и обманывать.

Ульяна говорит:

— Поди, Лёшка, тебе пора. Я потолкую с Наташей.

Лёшка:

— Прощай, Наташа!

И запел:

Не хочу обидеть
Девичью взъедугу.
Больше мне не видеть
Милую подругу!

— Ты что это спел, негодяй? Ах ты находка садовая, мальчишка! Ты думаешь, я всем лиходейка? Брешешь ты, щенок дворовый!

— Не отрицаю, что щенок, — это наша кличка. Я лаю по-детски, а ты — старая злая собака. Мы вместе охраняем барское добро. Какой ты-то имеешь чин? Такая же дворняжка, как и все, только состарилась раньше время от зла. Работать не можешь — так ты решила языком угождать хозяину. Коли пойдёт на грех — так я тоже кое-что знаю про твои тёмные делишки. Смотри, чтобы люди не узнали твою страшную тайну. Ты что на утопленницу лаешь? А кто ей помог в Днепре тяжкий позор утопить?..

— Молчи! Железом калёным мне сердце прижгло!

— То-то. А у меня фальши в жизни нет — живу как положено. Что ты ко мне прискепалась? Ты злишься, потому что мы с Наташей друг друга любим, а тебя никто никогда не любил!

Ульяна заплакала.

Я говорю:

— Ну, дальше в лес — больше дров! Помиритесь вы.

Лёшка говорит:

— И то правда. Что нам делить барское добро? На кой оно нам? Мы сами золото. Послушай, Вавиловна, что я тебе скажу. Ты моя крёсна по быту, так замени нам с Наташей родную мать. Век станем за тебя Бога молить, твои грехи отмаливать. А у тебя их — ой, много! Как помирать станешь? Страшно.

Вавиловна концом платка вытерла слёзы. Наташа тоже фартуком закрыла лицо. Лёшка:

— Что вы, бабы, расплакались? — Сам думает: видно, дошло до сердца Ульянушки.

— Да, — сказала Ульянушка. — Ты, сынок, прав. Нет такой меры, чтобы смерить мои грехи. Охо-хо, грешница я, преступница! Теперь грешить не стану. Прости меня, заступница, всем матерью стану.

Лёшка смеялся:

— Давай, матушка, вот тут выкопаем яму — похороним твои грехи.

— Нет, милый сын, от грехов не спрячешься. Всякой грех лукавый запи-сывает и носит за собой.

— Это, выходит, за каждым человеком целая контора ходит? Дельная работа лукавому! Потаскай-ка за хребтом целый век грехи! Да ещё такие, как у Вавиловны, — не один пуд. Обалдеешь, ей-богу!

— Хватит тебе, Лёшка, Вавиловна писанное говорит. У нас есть картины Страшного Суда, приди, погляди — сам убедишься. Всё там сказано и показано. Язычникам [кляузникам — *О. Щ.*] всех труднее — железным крюком прямо за язык и в пекло!

Лёшка:

— Слышишь, Вавиловна? Это тебя касается!

Вавиловна тяжело вздохнула:

— Нет, сынок, хватит! Семьдесят лет служила тиранам верой и правдой — теперь надо подумать о загробной жизни.

— Ты, Вавиловна, помоги мне жениться вот на Наташе — все твои грехи простятся на том свете.

— Постараюсь, сынок, искупить своё прошлое.

[...] Побежала я домой со всех ног, а сердце чует невзгоду, так и щемит. Пришла — а меня ждут как пирога из печи. Сваты сидят — Гришанов со своим уродом. Я поздоровалась и прошла в чулан. Загубили мою головушку — привели свекровушку. Пришла тётка:

— Наталья, иди! Хватит ломаться, водить за нос добрых людей! Дело твоё сиротское, я здоровьем не богатая, хочу пристроить (тебя). Иди, станем заручины делать.

— Тётка Настя, не губи меня! Богом молю! Не пойду за урода скулистого!

— Дура, за уродом только и жить. Нарядит тебя как панну, и будешь жить припеваючи. Привыкнешь. Все так выходят. Я-то своего под венцом увидала. Простоватой был, а прожила не хуже других; сама всем правила.

— Тетка, я люблю Лёшку!

— Да ты совсем, видно, обалдела! Ты слыхала, чтоб мужики про любовь толковали? И заводу такого нет. Не пойдёшь подобру, так я поступлю как наши предки — пропью и всё. Наденут венец — а там никуда не денешься!

— Пропивай, а жить я с ним не стану! Я нашла себе пару.

— Ах ты бесстыдница, как ты смеешь мне отвечать? В мать упрямая! Та возит теперь чертей на своих плечах — и тебе не видать добра, коли меня не послушаешь. Пойдем, не позорь ты меня!

Пошла я, как овца безвинная, которую ведут под нож. Поставили меня рядом с постылым человеком. Сват:

— Ну, Наталья Николавна, хватит! Слёзы только до запоя, теперь кончено!

Я стою и думаю: да чем оно кончится — никому не ведомо... Тётка:

— Всё будет по-хорошему, сватушка, пусть поплачет за своё девичество...

Сваты ушли, зашла поздравить соседка Мокеевна, бывшая монашка:

— Слыхала, у вас свадебка заводится?

Настасья Ивановна:

— Садись, Мокеевна, я уж хотела к тебе за советом пойти: девка-то наша спятила с толку, нейдёт за Гришанова — и баста!

— Да, Настасья Ивановна, нонче молодежь дичает, не то что в наши-то года — всё с молитвой да с поклоном. Ох-хо-хо, согрешили, вот и карает Бог за грехи. Как Писание говорит, так всё исполняется. Мы тёмные, нам не положено знать. Появились какие-то люди, говорят о новой жизни, о свободе. Возьми деда Тараса, о чём он толкует? Его мужики пророком зовут. Он все земные казни вынес: двадцать пять лет в солдатчине служил да двадцать пять лет на каторге тиранился. Полвека его мучали — вот и стал он святой. Ничто его не сломило, бодрый такой. Мужики его все любят. Он стоит на своём: придёт народная воля — и баста! Говорит, на каторге от декабристов слыхал.

— Воля? Да когда это будет? Может, правнуки наши дождутся.

...На второй день Наташа заболела. Пошла Настасья сама жать за недоимку. Народу тьма, кипит кругом, все бегают бегом.

Солдат на музыке играет,
Мужик жнёт-старается.
Нарядчик брюхо набивает,
Крестьянка потом обливается.
К Маланьюшке Петраковой
Солдат приставал,
Каблучком стучал, подковой,
Глазом моргал.

Тут как с неба свалился Сана-придурок. Как ляпнет солдата [по уху? — *О. Ш.*]:

— Не трожь наших девок, служивой!

Солдат хотел сдачи дать, а старики не дали:

— Бросьте вы, с ним сам барин не займется.

Сана со всеми вместе таскал снопы, только пятки свистали. К вечеру пришёл на поле Лёшка. Сана закричал:

— Сюда, сюда — наша музыка! Давай плясовую!

Девушки:

— Сана, спой нам весёлую!

— Что же, можно.

Выпрямился во весь рост и запел сколько есть мочи:

Вставай-подымайся,

Рабочий народ!

Берите дубинку —

Гоните господ!

Появился полицейский, сгрёб его за шкурку, поднял и бросил наземь. Сана закричал:

— Ратуйте! Убили!

Дед Филат:

— Оставьте вы его, детской у него рассудок. Что научат — то он и поёт.

Хорошо или дурно — ему всё равно.

Закричал полицейский:

— Стало быть, вы учите таким словам?

...Солнце закатилось. Вольные пошли по домам, барские остались.

Идёт Сана:

— Я не наелся, мало каши!

Солдат:

— На конюшню тебя послать, там досыта накормят. Забудешь дурацкие песни. Пошёл отсюда!

Сана:

— Нет, я подожду, тут весело. Скоро барыня пирогов привезёт, мне в первую очередь.

— Разевай рот пошире!

Недалеко раздался лай Пирата — приехали барышни Варя и Леночка. Сана сидел на снопах. Пират подошел, стал лизать его окровавленную ногу.

Леночка подошла:

— Сана, кто тебя? — подала ему три баранка.

Сана один отдал Пирату. Варя тоже спросила:

— Кто тебя обидел?

— Вон тот брюхатой — дерётся как дурак!

Варя:

— Зачем вы его обижаете? Он больной.

Лёшка:

— Пойдём, Саша, домой. Где ты ночуешь?

Сана:

— Я где захочу, там ночую. Когда церковь стерегу — поп мне копейку даёт; когда на барском ночую — дворник меня не обижает, хлеба даёт. Один раз барыня пирожную корку дала — вот какая вкусная!

Все разошлись кто куда. Хуторяне пошли по дороге — только пыль столбом. Настасья Ивановна спросила стариков:

— Скажите, пожалуйста, что за человек Сана-дурак?

Дед Потап:

— Слушай, только язык держи за зубами. Этот человек за народ пострадал. Учёный, детей грамоте обучал. Ходил по деревням — бездомной, Бог его знает, откуда. В лесу, говорят, собирались студенты и мужики. Которые посмелей — [к ним. — *О. Щ.*] ходили. Приезжал оратур, рассказывал про вольную жизнь. Как-то нагрянула полиция — разогнали сбор. Которых половили... одному, говорят, кишки вымотали на колесницу прямо из живого. Вот варвары! А Сану привязали верёвками за ноги да спустили в колодезь вниз головой. Нахватал воды, висел, бедной, кричал, просил, пока потерял рассудок. Вот и поныне дурак. Его надо жалеть, беречь, ведь он народник [страдалец за народ. — *О. Щ.*]. Полиция его ненавидит. Вытрясли мозги человеку и пустили, чтоб другие казнились. Губители!

Настасья Ивановна:

— Вот тираны, когда их немочь затрясёт!

Мужики помолчали, вздохнули во всю широкую грудь и затянули свою любимую:

Ах ты доля, моя доля,
Доля мужика.
До чего ты, моя доля,
Тяжела, горька!

Настасья Ивановна домой вернулась поздно, рассказала все события.

— Были сваты? — спросила Наташу.

— Нет. Бабушка Мокеевна приходила. Говорит: если не по нраву — не ходи, не будет житья. Говорят, будто бы Матрёна-вековуха набивается [в жёны. — *О. Щ.*], так хотят брать Гришановы.

Тётка закричала:

— Ежели не хочешь слушать, так ни за кого тебя не отдам! Вот и будешь вековуха. А Матрёна на твоём месте заживет припеваючи.

Наташа горько заплакала:

— Тётка Настя, не отдашь за Лёшку, так я в монастырь пойду. Не стану тебя мучать. Мне там неплохо будет. Монашка говорила: там красивым хорошо, не знают ни заботы ни работы — как вольные пташки. Брошу мир и все соблазны, стану молиться за всех любящих и ненавидящих.

— Ну что же. Видно, сам Господь тебя уразумил на хорошее дело. Хоть и жаль, что на старости не будет опоры, но я довольна, что избавишься от барщины. Будешь заботиться о душе. Молись за родимую матушку, она дешёво продала свою душеньку лукавому. А ты будешь жить не клятая, не мятая. Только ты в самый Киев поди, там всякие монастыри. В сентябре придут монашки по сбору — вот я тебя и отправлю.

Тётка, довольная, хлопочет, а я-то думаю совсем другое: как бы вместо монастыря попасть к Лёшке. Не добьётся, думаю, Лёшка позволения жить нам вместе — пойду за него уходом, после повенчают.

Живая кукла

Хозяйка-именинница задала пир на весь мир. Собралось гостей со всех волостей. В светлой горенке Леночка Новосельская, младшая дочка, наряжает Лёшку. Надел он красную рубаху, синие шаровары, цветной кушачок, на голову колпачок; кудри золотистые, сапоги форсистые. Вот притопнул каблучком да прищёлкнул язычком — лишь осталось молодцу за невестой да к венцу!

Лена вертанула Лёшку:

— Как тебе наряд идёт, статной какой, прямо барчук! Зря тебя мать бросила, молодецка такого!

Лёшка отвернулся, смахнул слезу...

— Давай, Лёшка, постарайся, спяшем и споём, да и награду попросим. Что станем просить?

— Спрос-то у нас разной.

— Конечно. Я, например, давно мечтаю заслужить у папеньки говорящую птицу. А ты что?

— А я — живую куклу!

— Живую куклу?! Что-то я тебя не понимаю.

— Да вы ещё молоды, не поймете.

Леночка принесла Лёшке с праздничного стола стакан медовухи, он выпил и затянул невесело: «Ах ты, доля, моя доля, доля мужика, тяжела ты, моя доля, тяжела-горька...»

— Фу, гадко! Что ты тоску наводишь? Эту песню дворовые поют. Давай лучше «Ах вы сени!..»

Лена поглядела на часы: время десять — пора. Вошли в залу. Лёша поклонился всем в пояс, сел на стул, Лена стала рядом. Он заиграл, Лена запела «Липа вековая». Потом ещё несколько припевок, потом сплясала «Ах вы сени...» — и убежала. Все гости кричали «браво!», «ура!». Барин позвал деда Филата и бабку Ненилу:

— Ну, старики, вы когда-то плясуны были — пляшите!

А они сотню [лет. — *О. Ш.*] доживают.

— Что вы, батюшка-барин, у нас и ноги-то не ходят, не токо что плясать!

Барин хохотал как блажной:

— А мы вам лекарство подадим, сами ноги пойдут.

Подали им по стакану водки. Но куда деваться? Выпили, разошлись старики. Вспомнили свою молодость, пошли с припевом: «Не жалею костей — весели гостей!» Старики задохли, поклонились в пояс. Барыня дала им по рублю. Барин говорит деду Филату:

- Ты первой скоморох был, сыграй нам что-нибудь.
- Ох, барин, у меня и пальцы-то не гнутся. Девятой десяток доходит.
- Ну, пошёл считать десятки! Сегодня праздник.
- Разве на скрипке попробую.

Подали скрипку. Филат стряхнул со лба седые волосы, поднял смычок — скрипка заплакала... Многих щипало за сердце. Лёшка затянул своим чистым звонким голосом: «Зачем ты, безумная, губишь?..» Многие купчихи потянули платки к носу. Больше всех уцепило за сердце старшую хозяйскую дочь Вареньку, которая не любила своего жениха. А любила молодого пригожего поручика. Варя сидела, обмахиваясь веером, и тяжело вздыхала. Но вот Филат заиграл «Камаринского» с припевом: «Надоело мне на свете жить, не хочу я своей барыне служить!..» Лёшка понёсся как по воздуху, потом ловко бил трепака. Гости кричали:

— Bravo, bravo! Подарить надо мальчика, стоит!

Барин хохотал до слёз, вытирал платком лысину. Старый чиновник говорит:

- Отдай его в театр, будешь деньги заколачивать. Талант у него богатой! Лёшка стоял и ждал, что скажет хозяин. Барин встал и говорит:
- Господа, богоданной сын ещё нам споёт. Что ты исполнишь?
- «Златые горы».

[...]

- Ну, певцы, плясуны, что бы вы хотели в подарок?
- Я давно мечтаю иметь говорящую птицу! — сказала Леночка.
- А я думал — говорящую куклу.
- Нет, это Лёшка хотел у вас попросить живую куклу. Сам мне сказывал. Гости захохотали:
- Вот так загадка! Придётся всей компанией разгадывать!

Барин:

— Идите отдыхайте, мы постараемся разгадать.

...На птичьем прокричал петух. Молодые пошли по садам, по верандам. Варин жених наклюкался не по чину и заснул...

Лёшка и Лена кутили тем временем в детской. Лена принесла для Лёшки бутылочку кагора, закуски. Он выпил, расчувствовался; ему так захотелось рассказать всё, что накопилось на душе! Но высказаться он мог только в песне:

Судьба терзает человека,
Не скажет правды никогда,
То посулит ему два века,
То бросит в пропасть без труда...

— Перестань, Лёшка! Что ты сегодня всё печальные затеваешь песни? Ты скажи мне лучше, какую ты живую куклу просил?

— Я люблю одну девушку. Вот и хотел просить позволения на ней жениться. Больше мне ничего не надо.

— Вот уж выбрал, глупый! Да девки — самый дешёвый товар! Что девка, что овца — одна цена. Так папенька говорит.

— Так вы тоже, выходит, барышня, овца?

— Ах ты кацап! Да как ты со мной говоришь! — завизжала Лена. — Бес-толковой ты! И жениться затеял зря. Вон Варя выходит замуж — плачет.

Лёшка запел: «Кого-то нет, кого-то жаль, куда-то сердце мчится вдаль...» Лена затопала ногами:

— Не хочу печальную песню! Давай весёлую!

— Что изволите — то и спою. Вы правы: крестьяне — безвинной скот.

Запрягайте, понукайте,
Кормите и порите.
Нам нельзя сердчать —
Терпеть и молчать.

Лена:

— О чём ты толкуешь, не понимаю?

Лёшка:

— Давай я тебе басню расскажу верную, старики сложили. Дворянская кровь есть звериная, а крестьянская — скотная. Лев — царь зверей. Медведи — это дармоеды, на которых мужики работают. Волки хищные — это полиция, давит овец без жалости. Коровы — это наши бабы, ваши кормилицы.

Зашла в детскую Варенька, она жаловалась на головную боль. Завязала салфеткой голову, слёзы катились как град. Она терпеть не могла своего жениха, толстопузого, похожего на мизгиря. Лена:

— Ты, как старая ключница, охаешь-ахаешь. Ты же невеста!

Варя:

— Да, буду жить в Питере —

Знатная дама.

Муж старый в кителе,

А я, глядишь, буду мама...

Кто-то постучал; заходит Ульянушка:

— Да что вы, родимые, спать пора! Чем это вы обидели Лёшку? Плачет, бедняга.

Лёшку позвали, налили ему для веселья из графинчика.

— Ты что это заливаешься горячими? — спросила Варя.

— Да вот, окропляю вашу дорогу горячей слезой. А со мной плачет и поручик, просит вашего свидания.

— Ах, боже! Как же это устроить? Ведь это в последний раз!

Лёшка:

— Я так придумал: нарядить поручика в мой вот этот праздничный костюм. А вы, барышня, оденьтесь Машей-горнишной. Никому невдомёк будет. Мой костюм этот вся дворня знает — пускай меня старики пожурят за «свидание с Машей», я стерплю ради вас.

Варя:

— Ну так пошли быстрее рядиться!

Варя и Лёшка ушли каждый к своей паре.

Леночка попросила Вавиловну посидеть с ней в детской, пока она заснёт. Вавиловна села, вяжет чулок, тяжело вздыхает, о своих грехах вспоминает: «Грешница я, преступница! Прости меня, матушка-заступница!»

— Ульянушка, что ты шепчешь? Молитвы?

— Спи, родная, спи. Ох, и чем всё это кончится?

Пока дела идут прилично;
И забавно и смешно:
Свела две парочки отлично,
Мне одной за всех грешно.
Жених хмельной спит —
Щёки раздуваются,
Невеста с миленьким сидит —
Целует, обнимается.
Дворня вся проснулась —
Шёпот на дворе:
«Варенька вернулась
Утром на заре».

Варя вернулась из сада в наряде горнишной, спросила:

— Ульянушка, меня никто не проверял?

— И, что ты, родная, все мёртво спят. Пьяны, как дым.

— Молчи, Ульянушка, ради Бога, ведь это последний раз. Как тяжело расставаться с милым человеком! А как он, бедный, плачет!

Варя легла, Ульянушка ушла.

На краю сада, за малинником, сидели Лёшка и Наташа, оба плакали. Лёшка уговаривал:

— Потерпи, Наташа, кончится свадебная суета, теперь не до нас. Я стану добиваться, буду просить хозяев и дворовых, чтобы нам дали уголок. За моё мастерство хозяева меня любят.

— Нет, Лёша, не быть нам вместе, вещует мое сердце — быть беде! Мне две дороги: к тебе — или камень на шею...

[...] Наташа ушла. Лёшка жалобно глядел ей вслед. Из-за куста вышел дед Захар — скотник:

— Здорово, что ты вздумал плакать после такого веселья?

Лёшка вытер глаза:

— Да, дед Захар, веселья на копейку, а горя — целое море.

Захар крякнул:

— Я слышал, как твоя девушка убивалась. И ты плачешь. Разве барин не велит тебе на ней жениться?

— Да я и не спрашивал: не смею, не до нас.

— Иди, сынок, спи, а я пройду задами, чтоб никто не увидал. Рыбки вот ловил в барском пруду.

Разошлись. Лёшка лёг на сеновал и крепко заснул.

...Широко рассвело. По дворне носились разные толки. Многие видели гулящую пару в красной рубаше и длинном сарафане. Одни говорили, что Лёшка гулял с горничной Машей; другие — что нет: Маша-горничная ростом большая, а эта, недоросток, путалась в сарафане. Дед Филат говорит: «Неуж Лёшка был с Варей? Вот так подарок хозяйке к именинам!» Пошли слухи...

Лёшка пришёл к Вавиловне, пал к ней на плечо и горько зарыдал:

— Сам я на себя беды накликать! Устроил Варю свидание, а себе разлуку. Винят меня, будто гуляю с Варей. Отправляют в другое имение. Недаром Наташа вчера весь вечер твердила о беде, бабье сердце чуткое! Вот она, беда, как с неба пала!

— А что Варя говорит? Попросил бы её получше.

— Да нет у них ни совести ни жалости! Говорил я, плакал, на коленях стоял. Спрашивал: чем я повинен? Варя крикнула как на собаку: «Встань! Тебе нравится, что вся дворня шепчет: Лёшка гулял с Варей? Иди и молчи!» Так вот, уважаемая Ульяна Вавиловна, складываю свой воз на тебя, надеюсь, ты мне мать. Не бросай Наташу. Жив буду — не забуду.

Ульяна Вавиловна вытерла глаза концом платка:

— Вечером я, сынок, Марфутку пошлю за Наташей. Прощальной вечер будет в моей конуре, сюда никто не заглядывает.

Лёшка ходил как больной. Старики шептались: что с парнем? Всем хотелось знать причину. Дед Захар говорит:

— Давайте у Вавиловны спросим, она всё знает.

Отвечает ему Филат:

— Попробуйте — она вас так отканифолит! Никому не даёт рта открыть. Давеча в девичьей спросили: правда Лёшку продали другому пану? Так она девушкам: «Откуль вы наслушались такой небылицы? Вам за это [на том свете. — *О. Щ.*] языки припекут! Ваше дело: видите — не видите, слышите — не слышите. Торопитесь-ка лучше с Вариним приданым, угоните — подарят». Девушки захихикали: «Верно, подарят! Хотя б не наказали — и то слава Богу, мы и это считаем за богатый подарок. Вон доска, на которой отмечают наши награды, — сколько раз в год побываем на позорном месте [где секут розгами. — *О. Щ.*]. Нонче как-то Бог несёт. Никто не бывал на конюшне [на порке. — *О. Щ.*]. Только Гашка подзатыль-

ник получила от хозяйки, да Малашка две пощёчины. Это пустяки. Ох, уж скорей бы Варя в Питер укатила — дорога ей колесом!»

...Слухи про Лёшку и Варю доползли до пана. Он взбеленился. Так вот о какой живой кукле говорил Лёшка на барыниных именинах! Что возомнил о себе подкидыш! А чтобы законопатить Лёшку подале — политику ему приписали: он в лес хаживал, слушал оратору.

...Наташа Горшкова металась, голова горела. Она убедилась, что беременна! В каморке Ульянушки, на прощальном свидании, вся дрожит:

— Лёша, голубчик, погибель пришла! Чужую любовь ты тешил, а свою...

— Да что ты, пташенька, так убиваешься? Ничего ещё ведь не случилось.

— Да всё уже случилось, горе ты моё! Я ведь тяжёлая.

— Что-то я не понимаю, про что ты...

— Ах, что вам, мужчинам, — всё трын-трава! А у меня через полгода ребенок будет — теперь понял?

— Боже! Счастье-то какое! Дай я тебя расцелую, голубка ненаглядная!

— А если тебя арестуют? Куда я? Как скажу тётке? Куда ребёнка дену?

О, Господи, помоги!

[...] Лёшка увидал в окно карету — душа в пятки ушла. Зарыдал как ребёнок. Из кареты вышли трое: барин, незнакомой кучер и полицейской. Скрылись все в барском доме. Думал Лёшка: «Как преступника, под конвоем повезут бог весть куда и за что!»

Вечером прибежала Наташа в слезах:

— Возьми меня с собой на каторгу, вместе станем горе пить!

Вавиловна плакала. Лёшка схватил ее за руку:

— Прошу тебя, матушка, не оставь Наташу! Сохрани будущего малыша, не губите его, молю вас! Я вырос — так и он вырастет. А ты, Наташа, возьми на память мой праздничный наряд да патрет, Карлом писанный. Больше у меня ничего нет.

Наташа пала к ногам Ульяны Вавиловны:

— Не оставь меня, горемышную, Ульянушка-матушка!

Вавиловна полезла за божницу, говорит Лёшке:

— Вот, двадцать лет хранила, — достала покрытый пылью образок, обтёрла его. — Вот, сынок, береги, он тебя спасёт. Это твоей матери благословение: на воде с ним не потонешь и в огне не сгоришь. Эти образочки делают в старом Иерусалиме, как раз на твоё имя: Алексей человек Божий.

Лёша взял образок, с которым его, подкидыша, нашли когда-то во дворе, приложил к губам:

— Возьми, Наташа, это самое дорогое, что у меня есть. Молись за меня. А если я не вернусь, передай иконочку нашему ребёнку — это родительское благословение пойдёт из рода в род.

...Наташа уже утром шла из барского дома, не видя дороги от слёз. Что станет с будущим ребёнком? Вот она — живая кукла...

...Заходит к Вавиловне в конурку Лена, там Лёшка сидит окаменелый от горя. Лена:

— Лёша, ты, говорят, едешь? Меня тут скука без тебя загрызёт. Я и музыку всю позабуду. Помнишь, как ты мне свистульки делал, потом музыке учил? Мы выросли вместе, вот тебе от меня подарок. Только наказ: не гляди до места! — и подала зашитой пакет.

— За подарок спасибо, — Лёша поцеловал ручку подруги детства. — Ты, барышня, может, знаешь, куда меня увозят? И зачем полиция?

— За чаем поминали деда Тараса; вас считают политиками. Повезут в Смоленск. Потом, может, и отпустят. Ты пока будешь жить в имении помещика Теплоухова. Прощай.

Лёшка горько улыбнулся:

Тёмному люду плохо —
Не знал, что себя обманул.
Повезут скомороха
За чужую вину.
Я был весел и рад,
Носился, как птаха.
Погубил меня наряд —
Красная рубаха.

...А Наташа, уйдя от Вавиловны, домой пойти забоялась. Пойду, думает, лучше пока к подруге на поветь, она меня укроет от брани. Только успела забраться на поветь, слышит во дворе тёткин голос:

— Кума Кулина, Гашка дома спит?

Вышла кума, удивлённо ответила:

— А где ж ей спать, как не дома на повети? В хате душно, а там благодать.

Девушки слушают, затаили дух. Тётка Настя лезет по лестнице, пыхтит:

— Гашка, чуешь? Нашей тут нет заблудящей?

Наташа подняла голову, протирая глаза кулаком, хотя и не думала спать:

— Что, тётка Настя?

— Ах ты бесстыжая! Спит до солнца! Совсем от рук отбилась! Замуж не пойду, работать не хочу! На божницу тебя посадить да и молиться на тебя?

— Хватит, тётка, браниться. Гашка тоже спит. Мать родная — так и брани нет; сирота всегда виновна.

Тётка говорит:

— А Васька-то, говорят, скучает по тебе, поклон шлёт.

— Нехай скучает — я скучать не стану. Хоть за босого, да не за косого!

Девушки захохотали. Тётка вздохнула:

— Ох, Наталья, пропадёшь ты вековой!

Тётка ушла. Гашка спрашивает:

— Что за узелок с тобой?

— Лёшка на память дал. Увозят беднягу бог весть куда. Пойду я. После расскажу.

Наташа пошла на работу лён брать. Тётка без неё выглядела узелок, что дал ей Лёшка. Целый день злилась, не знала, на что и подумать. Зачем эти тряпки, портрет подкидыша? Плакала, думала: да никак она обанкрутилась?

Наташа вечером вернулась — тётка взяла её за косу и давай возить по полу:

— Ах ты беспутная! Хороша монашка! Я тебе дам любовь!

Наташа:

Напрасно ты бьёшь
И глядишь так грозно —
Теперь не вернёшь
И учить уж поздно.

— У меня скоро будет ребёнок.

Тётка опустила руки, пала, ничем не владея. Наташа испугалась, побежала к соседям. Пришла бабка Мокеевна: «Её накрыл смертельный паралич. Может, отойдёт, только навряд. Признаки ненадёжные». Все ушли. Наташа пала к ногам тётки и горько рыдала: «Куда мне преклонить свою головушку сиротскую, горемычную?»

...Ночью полицейский постучал в конурку к Вавиловне. Вошёл, растолкал Лёшку: «Вставай, там выпишься». Лёшка оделся, поклонился в ноги Вавиловне. Ульяна заплакала. Полицейский заломил Лёшке руки назад. Лёшка влез в карету:

— Прощайте, не поминайте лихом!

Дворовые проснулись, смотрели кто в щёлку, кто из-за куста. Всем хотелось проводить, но боялись подходить. Дворник отпёр ворота. Лошади тронули. Со скрипом ворота затворились. Пират так жалобно взвыл, будто знал, что больше не придётся с Лёшкой ходить за утками. Девушки громко рыдали. Раздался властной голос:

— А ну по местам! Что раскудахтались?

Все попрятались. Петухи пропели. Всё стихло. Дед Филат пришёл домой в слезах. Эх, Лёшка!

Заиграть и сплясать
Не было проворне,
Написать-прочитать
По всей нашей дворне!

...С шести утра по дворне носились толки: кто говорил, отправили Лёшку в солдаты, кто — к пану под Москву. Дворник говорит:

— Заарестовали! Сам видел, как руки закрутили назад. Поминали Тараса. Он побыл да уехал, а кто его слушал — их теперь ищут.

Дед Филат:

— Неуж Лёшка замешался? Теперь его ничем не вернёшь. Каторга — и баста.

Вечером в людской тоже толковали. Садовник говорит:

— Вы заметили — у нас в саду объявился какой-то господин? Ходит — прячется. Варенька прошла с графином, горничная ему закуску понесла.

Филипп-лапотник:

— Да нешто у них мало гостей? Узнали: скоро свадьба — вот и лезут, как мышь на крупу.

Садовник:

— Ты знай лыки мочи да лапти плети!

Все просят садовника:

— Скажи, брат, може, ты знаешь про Лёшку? Жаль мальчика!

Дворник:

— Я слышал, да нельзя вам сказать, у вас языки длинные.

Старики божились, клялись:

— Ни словечка не вымолвим, хоть запорют нас!

Дворник:

— Во всем виновата Варенька, наша сука дворовая. Замуж идёт за богатого, а бедного за нос водит...

Садовник рассказал всю историю с маскарадом, из-за которого пострадал Лёшка. Барин-то думает, что Лёшка его дочку Варю захомутал: подвела красная рубаха!

Дед Филат:

— Эх, погибнет малец ни за цапову душу! А девка-то его так убивается! Тётка её в житье неловкая такая, своего мужа замордовала до смерти, потом кум Лука к ней ходил. А теперь девку поедом съела за нас, крепачков, за то, что полюбила крепостного парня. А мы разве не люди?..

Вскоре вечером Вавиловна послала Марфутку узнать, как живёт Наташа. Та встретила подругу со слезами:

— Говорят, помрёт тётка! Что мне с хозяйством делать? [Хоть. — *О. Ш.*] хозяйство три курицы, Дружок и кот.

— Экая беда случилась! — сплеснула руками Марфутка. — Мой совет: как помрёт — пусти в хату убогих. Вон Мокеевна — бродит где день, где ночь. Монашка, говорят, была, да не умела монастырских тайн хранить — вот и выгнали. Анисья-повитуха тоже бескровная [без кровной родни. — *О. Ш.*]. Пускай двое живут. А сама ты иди к нам на барщину. Ульянушка тебя устроит.

— Вот спасибо за совет. Легче стало на сердце.

Через месяц тётка померла. Наташа схоронила её, раздала все пожитки, пустила в хату старух, а сама отправилась на барщину. Вавиловна пустила свою хитрость в ход — обошла всю дворню со слезами:

— Настасья-то Ивановна померла от паралича, осталась бедная девка одна. Пришла к нам на барщину. Куда ей деваться?

Все старики заговорили:

— Нетронь идёт! Работы хватит.

Наташа пока была на посылках. Девушки звали к себе:

— Иди, Наташа, занимай [в девичьей. — *О. Ш.*] место матери!

Отвечает Наташа:

— У меня мастерства нет. Я только прясть да холсты ткать...

Варенька Новосельская укатила с женихом гостить в Питер, мать за ней. Леночка стала скучать без сестры и матери до болезни. Вавиловна ей предложила взять служанкой Наташу, та согласилась. Наташа ей сказки рассказывала про киевскую ведьму, песенки пела. Леночка Наташу полюбила. Сказки просила всё новые: ещё да ещё!

— У нас бабка Мокеевна много знает сказок. Вот я помню, она рассказывала про лихую княжну с Острова. Сколько эта княжна людей погубила! Какая была злая! Всех своих рабов наказывала за малейший пустяк...

*Сказка про Елизавету Добрую,
рассказанная Леночке Новосельской её горничной Наташей Горшковой,
слышавшей сказку от сказочницы бабушки Мокеевны*

...Я тебе расскажу сказку про лихую княжну Острова. Сколько эта княжна людей погубила! Такая была злая, своих рабов наказывала за малейший пустяк.

Родилась у хозяйки Острова дочь — вся в рубцах да шишках. Девочка росла не по дням, а по часам — и росли на ней рубцы и шишки. Тело же её было холодным как лёд. Вот собрала мать девочки всех знахарей, мудрецов и колдунов — и начали лечить каждый по-своему. Но всё было напрасно.

Приснился девочке сон — пришёл к ней в спальню старичок и говорит: «Твоя красота замурована в стену, торопись её оттуда добыть, пока не поздно! Остаётся три дня, опоздаешь — останешься такой навеки». Девочка проснулась — в спальне никого. Призвала она своих служек и приказала поскорее разобрать стену в спальне. А мать в то время ездил к далёкому талисману [истукану? — *О. Ш.*] за советом, как излечить дочь от ужасного уродства.

Разобрали служки стену — и увидали стоящую в ней замурованную бледную рабу Ритту, красоты неописанной. В руках Ритта держала золотую чару; за шесть месяцев слёзы наполнили чару до краёв. Вот-вот упадёт ещё одна капля — и слёзы прольются из чары. Девочка испугалась и спросила Ритту:

— Кто ты? Ты изваяна или живая?

— Ты мою смерть прогнала, а она уже стояла за плечами. Ещё одна капля упала бы в чашу, пролились бы слёзы — и настала моя погибель, а твоё вечное уродство. Теперь мы с тобой можем спастись.

— Но как ты здесь очутилась, красавица? Кто ты?

— Я раба твоей матери. Она меня замуровала из ревности, потому что я красивее, чем она. Ты меня спасла от смерти. Спаси теперь от злобы твоей матери — тогда я в силах буду тебя вылечить.

Девочка поклялась всё исполнить. Ритта сказала:

— Нас три таких бесподобных красавицы: я и мои дочки-близнецы. Твоя жестокая мать их продала в рабство. Найди и верни мне их, я уеду с ними на другой Остров, где правит Елизавета Добрая. Моя смерть — твоё уродство, моё спасение — твоя красота. Выбирай любое.

Слуги девочки взяли рабу на руки, унесли в девочкины покои. Там её накормили, приодели и спрятали до поры до времени.

Девочка стала думать: где найти Риттиных близнецов? А её мать пришла тем временем к волшебному талисману — и тот сказал:

— Напрасно вы ищите лекаря так далеко, он у вас дома. Только вам придётся потрудиться в поисках близнецов. От этого зависит судьба вашей дочери.

— О каких близнецах речь? Не понимаю. Намекните мне.

Талисман брякал своими бронзовыми руками, злобно сказал:

— Вы, сударыня, забыли, что шесть месяцев назад вы делали в день своих именин?

Княжна заплакала:

— Эти близнецы-девочки похожи на моего мужа. Он сознался, что любит рабу Ритту. Мне было предсказано, что эти близнецы когда вырастут — завладеют моим Островом. Что б ты на моём месте сделал?

Ответил талисман:

— Я б отправил их на другой Остров, да взял за них большие деньги, не стал бы губить. Если их найдёте и доставите матери — назову вашу дочь Девой милосердия, да будет счастье её вовек!

Княжна не знала, где искать близнецов, ведь она их засмолила в корзину и пустила по морю. Талисман сказал:

— Пойди к моей старшей сестре Елизавете Добрай: она должна знать, где найти близнецов.

И княжна отправилась на Остров Елизаветы Добрай. Вся измученная, прибыла к ней в больших слезах, упала к её ногам:

— Помоги моему горю, Добрая Елизавета! Ничего для тебя не пожалею!

— Встань и скажи, в чём твоя просьба.

— Меня послал ваш брат — Талисман счастья. Помогите мне отыскать девочек-близнецов, дочерей красавицы Ритты. Тогда и моя дочь избавится от заклятья, когда дети вернутся к своей матери.

Елизавета ответила:

— Хорошо. Только я возьму за это большой выкуп: ты дашь мне слово, что не будешь наказывать бедных рабов. Ты сама во всем виновата: ты первая полюбила раба-силача Будду, мужа бедной Ритты. Изгнала его без вины, Ритту наказала жестоко, детей бросила в море. Но невинные души спасены — они у меня живут на Острове. Верни им Ритту — они заживут счастливо, а в этом залог исцеления твоей дочери.

— Ах, если бы Ритта была ещё жива! Ведь я велела её заживо замуровать в стену!

Елизавета Добрая взяла розу со стола, оглядела все лепестки и говорит:

— Ритта в покоях твоей дочери живая и невредимая. Её спасла Дева милосердия — отныне так будет зваться твоя дочь.

Елизавета Добрая принесла другую розу, у которой почерневшие лепестки все свернулись, поставила эту розу на стол и говорит:

— Вот болезнь вашей дочери! Ты должна дать сейчас клятву, что будешь жить справедливо, — тогда увидишь волшебные чудеса.

Княжна упала на колени, поклялась, что будет жить только правдой. На её глазах увядшая роза начала расцветать прекрасными цветами. В этот момент на её Острове, в покоях её дочери, исполнилась заветная мечта: Ритта смазала слезами уродство девочки — вернула ей красоту и пожелала доброту.

— В этот миг ваша дочь, Дева милосердия, стала прекрасной, — сказала Елизавета Добрая.

Она наказала служанке позвать мужа Ритты, силача и красавца Будду, и привести близнецов — дочерей Ритты, которых назвали Красные Маки. Вошёл смуглый силач. Он испугался, увидев свою хозяйку княжну, поклонился и спросил:

— Чем могу служить?

— Сегодня, сударь, я вам служу, — ответила княжна.

Служанка привела близнецов. Красные Маки были трёх лет, обе — как одна! — писанные красавицы. Сами смуглые, жизнерадостные, волнистые волосы покрывали их плечи. Елизавета Добрая сказала:

— Вот, уважаемая княжна, иди домой и объяви трёхдневной праздник всему твоему Острову в честь исцеления дочери. Пусть все знают: Дева милосердия победила злобу!

Княжна поклонилась и вышла. Через три дня на волшебном корабле приплыла раба Ритта, Елизавета Добрая встретила её сама, провела в свой покой, объявила трёхдневной праздник. Весь Остров прибыл на Великую площадь, музыка гремела. Елизавета Добрая сидела на возвышенном месте. Пришёл силач Будда, встал рядом со своей госпожой. Та встала и сказала:

— Дорогие мои рабы, слуги, сегодня мы празднуем великое дело: Добро сильнее Зла. Сегодня наш силач Будда ещё станет сильнее и будет служить вернее. Он встретит сейчас то, что и не думал.

Привели Ритту и детей под мантильей. Елизавета сняла покрывало с Ритты. Ритта увидела мужа, крикнула: «О, Будда!» — и бросилась к нему

на шею. Елизавета раскрыла близнецов — Маки побежали одна к отцу, другая к матери. Все четверо упали затем к ногам Елизаветы Добрай. Владычица Острова сказала:

— Встаньте, да будет ваше счастье с вами!

Будда почувствовал в себе великую силу. Он вырвал растущую пальму с корнем и пустился с ней плясать. Бубны, тарелки гремели, Ритта сидела у ног своей спасительницы. Маки у ней на коленях приклонили головки к матери. Мудрецы пели стихи, благодарили свою добрую владычицу. Елизавета Добрая встала и сказала:

Пойте, веселитесь — за правду боритесь!
Будьте мне верны — покорны и сильны.

Все кричали ей: «Ура!
Ты владычица Добра!
Ай-люли, ай-люли,
Тебе служим до земли!»

Конец.

— Какая чудесная сказка! — сказала Леночка, когда Наташа закончила рассказывать. — Я буду походить на Елизавету Добрую из этой волшебной сказки! Мне стало легко на душе: я теперь знаю, что делать! Иди, я, пожалуй, усну.

Наташа вышла. Лена долго лежала и раздумывала: «Скоро я именинница, мне будут предлагать всевозможные подарки и пожелания. Я откажусь ото всего, а попрошу самое дорогое для меня. Стану Елизаветой Добрай!» Сама заплакала от чувств. Зашла мать:

— Что с тобой, голубчик? Тебе тяжело?

— Нет, мамочка, мне легко! Я задремала — и приснился мне сон: пришёл ко мне в спальню старик с длинной белой бородой. На нём одежда горит как солнце. Ты, говорит, дева крестьянского рода. Выполняй своё задуманное — будешь счастлива вовеки. Я проснулась — меня душат слёзы.

Мать поцеловала дочь и говорит:

— Ты должна радоваться: сам Бог тебе приснился!

— Да я-то рада, а вот как вы посмотрите на мою радость?

— Всё для тебя! Только ты поправляйся! Скоро твой день рождения. Я поеду в Смоленск за покупками к празднику.

— Мамочка, возьми меня с собой! Я посмотрю — там собор очень большой, колокол, говорят, огромный.

— Что же, мой свет, поедем. Там ходим и к доктору.

Утром уехали. Барин остался дома. Наташа бегала кругом, прибирала всё кругом. Встретилась с хозяином в коридоре, поклонилась ему. Он спросил её:

— Ты Горшкова? Зайдёшь ко мне вечером в десять часов.

Наташа обомлела, выронила из рук вазу: «Вот она, барщина! Начинается моя жизнь за барской стеной! Я теперь раба!» Сама горько заплакала. Входит Вавиловна:

— Кто тебя обидел?

— Барин велел в десять ночи зайти к нему!

— Время девять. Умойся, приоденься. Эта беда неминуемая, её не объедешь, не обойдёшь. Другого нет выхода... Подумай сама — ты тяжёлая. Сходишь к барину — потом я его опутаю, проведу и выведу. Никто ничего не узнает.

Наташа начала одеваться. На часах пробило десять. «Прости меня, Лёшка! Это не по моей вине. Наша любовь нас жестоко обманула...» Наташа помолилась и вышла. Кралась коридором, как вор, чтоб никто не увидал. В её голове кружилось: барщина, позор, розги, неволя. Пришла сама — куда боле!

Долго стояла у дверей, не решалась постучать. Было слышно, как барин ходит за дверями взад-вперёд, шлёпая башмаками и напевая любовные романсы. Наташа постучала, вошла, в пояс поклонилась. Барин налил ей бокал хмельного. Она взяла и сказала:

— За жизнь свою бездольную пью чашу невольную!

...Наташа вернулась к себе в двенадцать часов ночи. Бросилась на свой топчан и замерла. Раньше она спала с подругами на сене, боялась только одной тётки: побранит и всё. А тут надо всех слушать и бояться. Вот она — любовь. «Я бросила всё ради любви, но где она? Любила — не любила, себя загубила. Сама пошла на позор. К старику постылому, что в отцы годится. В отцы?...» Отца Наташа не знала; ни мать ни тётка о нём ни полслова. Только отчество — Николаевна — как и у барышень... По спине Наташи прошёл озноб.

Постучала Вавиловна:

— Ты спишь? — открыла дверь.

— Нет, матушка, не могу уснуть. Горькие думы ломают мозги. Страшно мне.

— Не ты первая, не ты последняя. Ты такая пригожая — как он тебя отпустит? Это его хлеб. О, милая дочь! За барской стеной и не то увидишь.

— Что может быть позорней и грешнее? Сама пошла в логово волчьё! Грех мой неискупимый. Вернётся Лёшка — что я ему скажу?

— Ему нечего и говорить. Он тебя довёл до позорной дороги. Натворил делов, а сам был таков. Да что — он знает барской порядок: барин — хозяин, а мы холопы; как хотят, так и вертят. Но наш-то барин пень пнём. Он и не оглянется, как ему залетит ворона в рот. У меня план готов. Я их всех убаюкаю. Я ведь все их дела тайные знаю. Наша барыня молодая была — кровь с молоком, а барин — хмель с табаком. Думаешь, она ему верна была?... Ох, заболталась я, пойду по делам.

...Шли дни за днями. Наташа всё полнела. Часто вспоминала она, как жила в деревне. Эх, бывало:

Горит в избе лучинушка,
Старик лапти плетёт.
А бабушка Маринушка
Белый лён прядёт.
Белый ленок прядучи,
Тяжело вздохнёт,
На дедушку гляючи,
О прошлом вспомянёт...
Говорила: «Резвись, Наташа,
Пока молодость смеётся.
Вот теперь наша —
Никогда не вернётся...»

Да, это всё правда. Как жаль минувших дней! Теперь пойдут дни тяжёлые, позорные...

Наташа бинтовала живот и очень боялась, что задушит ребёнка. Дело подходило к концу. Хозяйка вернулась из Смоленска с покупками. Леночка ещё стала грустнее, жаловалась на головную боль. Она думала свою великую думу и часто говорила сама с собой вслух. За ней подслушивали, следили и лечили её от горячки. Мать печалилась, не зная причины болезни, дивилась речам о жестокости господ, принимала их за большой бред.

Лена как-то вышла на веранду и глядела во все глаза, как на дворе мужики работали кто что. Старики-бородачи — в длинных рубахах и в лаптях; дети босоногие бегают, резвятся, не зная своей участи. Лена велела Наташе позвать ребят. Наташа вышла на балкон и крикнула:

— Эй, вы! Гришка, Микишка, Душка, Марфушка, Иван, Севостьян и горбатой Демьян! Идите сюда, вас барышня кличет.

Ребята подбежали гурьбой, подняли лохматые головки кверху. Лена вынесла коробку конфет:

— Вот вам на всех. Дед Филат разделит.

Бросила с балкона коробку. Дети боялись подойти и взять.

— Ну, что опешили? — сказала Наташа. — Дёмка-горбун, бери!

Среди двора стояла телега. Горбун на неё влез, Гриша, внучек Филата, позвал деда. Дед Филат сосчитал конфеты и разложил всем поровну. «Ну а коробку мне — табак класть. А вы сказали барышне спасибо?» Дети бросились к балкону, выстроились в ряд, склонились до пояса. У Леночки показались слезы: такой дешёвой подарок принес детям столько радости. Вернулась в спальню, легла на диван, задумалась...

Заходит Ульяна Вавиловна:

— Вы что это, барышня, надумали хворать, право? Ваш ореховый куст поспел, орехи сыплются, ждут, когда хозяйка придёт собирать.

Лена слушала без внимания.

— Что у вас болит? — спросила Вавиловна.

— У меня болит душа. А маменька приписывает мне горячку. Буду молиться — Бог поможет мне в добром деле — хочу подарить своих рабов самым дорогим подарком.

— А ты засни, родная, всю ты душу себе истомила.

Лена поворочалась и заснула. Вошла барыня.

— Что Леночка, спит? Ах, Вавиловна, что мне с ней делать? Ведь заговаривается она. Жалеет мужиков, баб, девок, Лёшку — а Варю и отца во всем обвиняет.

— Сердце у неё детское, чистое, помыслы у неё светлые. Зря вы ей бред приписываете. В грехах-то мы с вами погрязли, барыня, вот и видим всё наизусть. Где белое — нам мерещится чёрное. А давеча Наташа вот сон про Леночку видела: стоит она, как ангел, вся в белых розах. Неужто вы свою дочь не цените, не любите?

— Больше жизни люблю!

— Тогда уступайте её желаниям чистым, девичьим — и будет она здорова, станет расти, как на дрожжах. Это испытано. А врачами да кровопусканиями вы только последнюю кровь из неё выкачаете, и засохнет она как хворостиночка. Не зря мужики врачам не верят, не зря и зовут их — врачи: все они врут.

— Да я всё для Леночки сделаю. Только ведь, Ульянушка, желания её странные. Всё для мужиков, для рабов старается...

— А вы разве не читали похождения Алексея человека Божия? Как его ни уговаривали — отказался от серебра и злата, от роскоши и гульбища. Его насильно женили, чтоб привязать к дому, но он в брачную ночь ушёл, не подходя к своей пышной постели. Сказал: «Оставайся, дева, жди, когда кольцо твое обручальное распаяется на руке, — тогда ты увидишь меня». Вот какие люди были!..

[...] Во двор въехала карета: посол из Питера прибыл. Сообщил: Варенька заболела. Барыня скоро собралась и опять укатила к больной дочери.

Наташа думала: слава Богу, подольше ба там пожила, пока я опростаюсь. На дворе шепчут про меня. Грех с ними, нехай шепчут.

Лёшка-второй

...Шли дни за днями. Наташа похаживала в спальню барина. И вот настало время. Наташа всё чисто прибрала. Леночке сказала, что заболела, и ушла в свою каморку.

Пришла Вавиловна:

— Ты что, заболела?

— Матушка, знать, время подходит — смертынька моя!

Ульянушка забежала:

— Ах ты, Боже, надо Ненилу позвать!

— Ты бы, матушка, сама, чтоб меньше кто знал.

— Нет, родная, мне по закону нельзя пуп резать: я вековуха. Положено только венчанным. Да Ненилу бояться нечего — она знает барской порядок. Ничем её не удивишь. Не проболтается.

Наташа мучалась, плакала: а как узнает барин? Пропала моя головушка!

— А ты не думай о чём Бог не велел. Я сама всё улажу, — сказала Вавиловна.

Шепнём ему на ушко —
Мы правду не скажем,
А чужое брюшко
Дураку примажем.

— Твоё дело — роди поскорее! А концы спрячем.

Пришла повитуха Ненила и занялась своим делом. Ульянушка пошла с повинной головушкой к барину. Постучала, вошла, поклонилась низехонько и шепнула тихохонько:

— Сударь-батюшка, пришла я с повинною к вам. Вы знаете пословицу народную, правдивую, благородную: «Любишь с горки катить — люби на неё заходить».

Барин соскочил со стула:

— Что ты этим хочешь сказать? Говори по-русски, прямо!

Отвечает Вавиловна:

Лебедь бела к вам похаживала,
Вашу милость поваживала,
Выполняла ваши прихоти,
А теперь лежит при смерти.

Барин злился:

— Дождусь я наконец толка? — сам бегал взад-вперёд. — Я тебя выгоню!

— Воля ваша, батюшка, — отвечает Вавиловна.

Села на стул и тяжело вздохнула;

— А вы, батюшка, не сердчайте. Я вам служу верой и правдой. Я пришла за советом к вашей милости. Я и сама не замечала, что Наташа Горшкова от вашей милости зачаток понесла. Вчера прибирала хоромы, она кадушки со цветами ворочала, а теперь, бедная, мечется. Начинается выкидыш.

— Да как же это получилось? — говорит барин. — Я не замечал, Ульянушка.

Забегал как шальной:

— Что же делать? Узнает дворня!

— И делать тут нечего. Не впервой родится недоносок. За его и греха нет — мы знаем ему место.

— Хорошо, хотя ты выручаешь.

Барин достал бутылку вина, закуски и целковый серебряный подал:

— Вот, дай ей выпить, натри, скорее пройдёт. Вылечи её — она мне нужна.

Ульянушка поклонилась в пояс и вышла. Пришла Ненила — управила своё дело. Держала завёрнутого ребёнка. Вавиловна спросила:

— Кого Бог послал?

Повитуха тяжело вздохнула:

— Малец. Да такой ядрёной! Бездомные такие и родятся.

Вавиловна подала повитухе серебряный рубль и кусок мыла:

— Молчи, Ненилушка, вместе станем отвечать на Страшном Суде!

— Да, страшно умирать! Прощайте...

Наташа плакала. Вавиловна налила ей стакан красного вина: «Пей на дорогу, согреешься». Наташа приготовила дорожную корзину, образок Алексея, ситцу на пелёнки завернула. Ночь тёмная, морозная. Пошла бедная Наташа чёрным ходом.

Была тёмная ночка —
Сердце так билось в груди!
Куда девать мне сыночка
И что его ждёт впереди?
Поплакал малыш и замолк,
Я простилась с ним горячо,
Положила в корзину узелок,
Подняла багаж на плечо.
Долго стояла в тревоге,
А мороз на крыше трещал.
Побрела по снежной дороге.
Малыш застыл, запищал.
Присела я у берёзы,
Сунула в рот ему грудь.
Согревали его мои слёзы:
«Не плачь, терпи тяжёлую путь!»
Добрела до родного села,
Стала детство своё вспоминать.
Я недавно ребёнком была,
А теперь вот несчастная мать.
У родной деревенской избушки
Стояла как тень, не дыша.
Примите, мои старушки,
Приютите бездомного малыша!
Положила дитя на крыльцо,
За поступок свой помолилась,
Резко дёрнула за кольцо,
А сама поскорей удалилась.
Летела стрелою домой,
От муки душа трепетала.
Только ночь следила за мной —
А метель следы заметала...

Повитуха Ненила
Меня на пороге встретила:
— Ну и как? Позор схоронила?
Слезами я ей ответила.
Злобно сказала Ненила:
— Напрасно ты слёзы ронишь.
Позор ты свой схоронила —
А греха не схоронишь!

Наташа в слезах разделась, лежала молча и плакала. Ульянушка натёрла её вином и напоила хмелем. Наташа спросила:

— Что ты, матушка, барину сказала?

— Я ему насажала семь вёрст до небёс — и всё лесом! Будто ты от него была тяжёлая и скинула. Поверил. А как ты снесла ребёнка?

— Удачно: ни души навстречу. Положила к своим старухам в деревне, авось, не выкинут. В свою же хату снесла, куда убогих пустила.

— Станем наведывать. Усни, родная. Я тоже пойду, уж вторые петухи поют.

Вавиловна накрыла Наташу потеплей и ушла.

...Ребёнок на крыльце застыл, запищал. Улита Мокеевна подняла голову и стала креститься: «Господи Иисусе, детский голос! То ли во сне померещилось?» Легла. Громче закричал ребёнок: «Ува, ува!» Мокеевна чиркнула серянку: что за чудо? Буря в трубе так и воет! Зажгла лучину. Анисья ворчит:

— Что тебе не спится?

Отвечает ей Мокеевна:

— Вставай, я два раза слышала плач ребёнка!

Старухи оделись, вышли. На крыльчке увидели корзину. Взяли, развернули: ребёнок от холода, бедной, посинел. Говорит Мокеевна: «Какая-то несчастная мать рассталась с ним». Ребёнка положили на печь. В корзине нашли несколько кусков сахара, ситца три аршина, булочку белую. «Заботливая мать, — говорит Анисья, — положила на первую соску». Нажевала в тряпку булку с сахаром, сунула в рот ребёнку. (Была она когда-то повитуха, осталась не у дел, но умела обращаться с новорождёнными.) Ребёнок согрелся и уснул.

Старухи судили-рядили: что делать? Мокеевна решила: «Станем растить, пока сможем. Не зможем — в богадельню снесём. Видимо, нас признали достойными, что подкинули младенца».

В корзине нашли белый платочек, в который завязана иконочка. Улита Мокеевна развязала платок, а так как она была грамотная, бывшая монашка, то и прочла на иконке: «Алексей — человек Божий».

Елена Добрая

Наступили дни свадьбы Вареньки Новосельской. Вся дворня суетилась, всем дело. Приехал жених на тройке серых, карета обита бархатом. Лакей — что твой генерал: весь в галунах — сказано, в Питере живёт! В застольную подали капустных пирогов, гречневой каши и ведро сивухи. Кутили три дня, на четвёртый молодые уехали в Питер гулять. Поехали и хозяева. Приданое повезли на трёх подводах.

Тут начался у дворни второй пир. Пришёл батюшка, отец Афанасий, пришли монашки, которые часто в имении бывали, кто с молитвой, кто с крестом. Всем погулять хочется в застольной. Дворовые пели и плясали — только лапти шумят!

Зашла в застольную Ульяна Вавиловна:

— Хватит, хватит беса тешить!

Тихон ей отвечает:

— И то, матушка, хватит, я все лапти разбил, во, погулял на славу!

Дед Филат говорит:

— Такой же пляс был, когда Варя родилась и пан её крестины справлял. Прошло двадцать пять лет, дай Бог ей хорошую долю в Питере.

Все пошли по своим конурам, петухи пели, всё стихло...

А Леночке не праздновалось, слегла, жар у неё поднялся. За что загубили Лёшку?! Боже, как тяжело живётся дворовым людям! Как им приходится страдать! Леночка вспоминала страшную сцену. Она уговорила конюха год назад — тот дал ей подсмотреть в щёлку: секли розгами пятилетнего мальчика за какую-то провинность. Мальчик бился и кричал. А за стеной конюшни страшно закричала Леночка, забилась. Прибежали, понесли её, а она всё кричала: «Пустите! Простите!» И не могла остановиться... Мальчик болел после порки. Леночка ту сцену забыть не могла.

Да, знала она, что мать Наташи Горшковой, Маша-утопленница, покончила жизнь из-за позорной скамьи. Потому что её барыня приказала высечь при всём народе. А может, и не только поэтому?.. Всё это мучало Леночку, головка её горела, душа не находила покоя.

...Накануне именин Леночка постучала в комнату папеньки и вошла. Он поцеловал дочь в голову:

— Что тебе подарить на день рождения? Ничего для тебя не пожалею, свет мой!

— Не зовите лишних гостей, хочу отпраздновать свой день с дворовыми. Хочу подарить старых и малых дорогим подарком. Я дала обещание Богу и должна его исполнить.

Не трону ничего:
Ни серебра, ни злата,
Скажу от сердца своего,
Чем душа богата!

Отец смотрел во все глаза на дочь и ничего не понимал. Лена встала перед отцом на колени:

— Папенька, этот ваш подарок дороже всего на свете! Я поправлюсь, буду здорова и за вас буду Бога молить день и ночь. И все за вас будут Бога молить!

Отец поднял дочь, посадил в кресло и сам рядом сел:

— Успокойся, моя ласточка!

Лена от радости плакала... Она протянула свой золотой крест:

— Поцелуйте, папенька, это будет наш свидетель, что вы не вздумаете отобрать мой подарок назад!

Отец поклялся.

...Настал день рождения Лены. Вся дворянство кипела. Готовилась праздновать. Лена распорядилась, чтобы для дворовых приготовили пасхальный обед, такой бывает раз в год. Дворник чисто-начисто вымел двор, конюший привёз душистой травы, устлали двор; дети принесли луговых цветов; стол поставили посреди двора, в глубине — помост для священника (на нём иногда выступали артисты). Ровно в двенадцать часов раздался звон колокола Новосельской церкви. Высыпали во двор все от мала до велика, каждый думал про себя: «Чем барышня нас оделит? Хватит ли на всех?»

Детей выставили вперёд, чтобы их первых оделили. На балконе дома восседал барин со своей свитой.

Священник и вся его прислуга шли во двор помещика, несли иконы и книги. Монашки шли и пели «Господи, помилуй!». Началась обедня. Старики были в праздничном наряде, расчесали свои большие бороды. Бабы, девки — все в новых лаптях, пёстрых сарафанах — ставили свечи. Лена стояла в белом платье, как лебедь, щёки горели, душа трепетала от радости. Обедня кончилась, поп вынес дары. Лена скрестила руки на груди, подошла, приняла святые тайны. Священник поздравил и пожелал ей всех благ; запели «Многая лета». Поп поставил дары на стол, взял крест. Лена приложилась ко кресту, потом взяла его в руки, подняла и звонко и трепетно сказала:

— Уважаемые наши рабы, старики, старухи, девушки и дети! Сегодня мне исполнилось пятнадцать лет, я приготовила для всех вас дорогой подарок. Вот свидетель моей правды. — Лена показала крест. — Вот этим крестом отменяю позорную скамью! Снимаю в девичьей доску позора! Секачей увольняю — делать им нечего!

Барин обомлел, ушёл, не дослушав до конца. Бабы рыдали, хватали своих детей, целовали, все пали на колени, кричали: «Спасительница наша!» Начали подходить ко кресту, целовали крест и руку доброй Лене. Все плакали от радости. Понесли свои подарки, наложили целый стол. Начался благодарственный молебен, вся дворянство стояла на коленях, со слезами молилась за свою благодетельницу.

Филат, Захар, Потап — самые старые — вынесли скамью позора, поставили среди двора. Девушки вытащили свою доску позора, положили поверх

скамьи мужчин, принесли вязанку розог, положили наверх. Дед Филат облил смолой и запалил с проклятьем:

Сгинь, позорная скамья!
Много раз лежал здесь я.
Пропади ж от моих рук,
Пока не лёг на тебя внук!

Девушки пели хороводные песни. Такое устроили веселье, какого никогда не бывало. Скрипки жалобно плакали, цимбалы звенели; молодые плясали, старые глядели. Пыль столбом! Бабка Ненила велела вынести бочонок браги, все пили за счастье своей хозяйки.

Лена сошла с веранды, девушки взяли её в круг, посадили рядом со скomorоxами, где сидел её любимый дед Филат. Принесли Лёшкину тальянку, Лена заиграла «Ах вы, сени...». Все были рады, что сама хозяйка с ними веселится. Все кричали ей: «Ура! Ты владычица добра! Мы теперь станем сильнее и служить будем вернее!» — как в сказке про Елизавету Добрую.

А барин заболел. Закрылся в светлице и никого не пускал. «Отменить подарок дочки я не в силах — я дал клятву кресту. Но ведь это невозможно: через пять лет Лена, пожалуй, освободит и распустил всю дворню! Откуда у неё все это? Видать, правду говорят, что она мужичка, не моего рода!»

Барин достал лист бумаги и стал высчитывать, когда родилась Лена и когда пороли красавца-кучера на конюшне. Лет пятнадцать назад кучер Павел Седельников был молод и пригож, силен и кудряв; заглядывалась на него барыня. Муж тогда приступал к жене с расспросами — жена ждала второго ребёнка. И жена, чтобы доказать свою невиновность, велела сечь кучера розгами на конюшне. А может, и барин велел, только решено было запороть Седельникова насмерть. Говорили, будто схоронили парня в богадельне...

Барин забежал по горнице: «Верил, дурак, верил! Так вот почему Лену зовут мужичкой! Не моя она дочь, а кучера! Обманут, кругом обманут!» Барин без чувств упал на пол, лишился языка... После говорили так: лопнуло сердце у барина, не вынес он новостей и открывшихся тайн. А кто болтал, что барин принял яду...

...Елена Николаевна поражена была смертью отца. Неужели он умер оттого, что она освободила крестьян от позора? Нет, видать, тут что-то ещё замешалось. Жаль его, мучительно от мысли, что она виновница несчастья. Но Лена в своем поступке не раскаивалась.

Назавтра после похорон барина управляющий и вся придворная прислуга собрались во дворе. Вышла Лена. Все ей низко поклонились. Управляющий сказал:

— Барин умер, барыня пока в Питере, наша молодая хозяйка станет править нами.

— Я молодая, — сказала Лена, — но зато вы родились и состарились в нашем имении. Надеюсь, что каждый знает своё дело. Работайте как работали.

— Уважаемая наша госпожа, — заговорил дед Филат, — вы нас укрыли от позора розог — у нас прибавилось силы, мы станем работать день и ночь на вашу милость.

...Барыня вернулась из Питера в большом горе. Всех спрашивала о причине смерти мужа. Перебирала все бумажки в горнице, где он умер. Наконец нашла в старом буфете скомканную бумажку, на которой он писал, что Лена — дочь кучера, и он не снесёт этой обиды. Барыня закрылась и никого к себе не пускала, ссылаясь на дорожную усталость. Лена много раз подходила к комнате матери, но постучать не смела. [...]

Вавиловна постучала в дверь и вошла. Барыня сидела за столом и что-то писала.

— Доброе утро, сударыня. Хорошо ли можете?

Барыня указала на стул:

— Садись, Ульянушка. Тоска меня грызёт. Кто будет править имением? Брат хотя мне и родной, но я ему не доверяю.

— И нечего всем доверять — у вас самой хватит разума управлять. Управляющий парень верной, нарядчик тоже не вредной. О дворовых и говорить не стоит — они тогда уважали вас и Леночку, а теперь, после такой радости, умрут на работе!

Барыня слушала молча, глядя вдаль.

— Да, Ульянушка, как раздумаешь — вся жизнь опутана ложной паутиной. Помню, в девушках — отец был строгой — приходилось лгать, чтобы провести поклонника чёрным ходом. Замуж вышла не по любви, а сердце любви просило — ему не запретишь. И вот тогда кучер Паша сумел завладеть моим сердцем. Я не спрашивала его рода и племени — полюбила и всё. Это только ты одна знаешь, ты дворянской потайник, свято всё хранишь.

Ульянушка тяжело вздохнула:

— Да, родная, вместе станем отвечать.

— А ты слушай дальше. Когда муж позвал кучера к себе — конечно, допёк. Так что тому пришлось признаться, хоть и не во всём. Потом муж запер кучера в псарню — хотел, чтобы его псы растерзали. Псы окружили его и начали лизать. Сутки сидел и вышел невредим. Тогда назначили порку — пятьдесят порций. Муж тогда уехал в Смоленск. Я ночь не спала, думала, как милого спасти. Я подобрала ключ: надела на него бронзовый щит — он цветом, как тело. Секачам дала золота, закупила их. Кучеру тоже дала немало, чтоб хватило на первое время. Барину сказала, что кучера засекали насмерть и схоронили в богадельне. И вот с тех пор пятнадцать лет я не слыхала о Павле Седельникове ни слова. Так знай: я не грешна в его смерти!

Ульянушка поклонилась барыне в ноги:

— Спасибо тебе, родная, что ты спасла невинного человека! А меня избавила от великого греха! Ведь я участница в этой путанице. Дай Бог кучеру здоровья, а я ведь поминала его за упокой. Ох, гора с плеч: одним страшным грехом меньше. Барин умер — пускай лежит! Мой совет: Леночку ни в чём не винить. Её род пойдёт к широкой жизни. Ох, заболталась я, прощайте!

Барыня сидела в раздумье над тем, что сказала Ульянушка: «К широкой жизни! Какая она — широкая — бывает? Это мужицкая загадка. Пускай будет так. Серчать на дочь нечего. Разобраться — вина во всём моя. Теперь мне полсотни лет — надо думать о другой жизни, устраивать себе уют, приучать Леночку управлять хозяйством и мужиками. Подрастёт — выбрать порядочного человека и взять в дом. Самой уж мне пора отдохнуть душой и телом...»

[...] Вскоре после отмены розог — а их тогда навсегда отменили по нашим местам — зашёл в девичью немец Карл, помещичий художник, и спрашивает:

— Хотите, девушки, преподнести своей молодой госпоже подарок? Тогда давайте все по трёшке на портрет. Это пойдёт память из рода в род.

Девушки радостно загалдели:

— Нас двадцать человек, вот и будет шестьдесят рублей. Патрет, конечно, стоит больше, но Карл такой доброй!

...Когда Карл принёс картину, девушки так и ахнули. Меланья басом говорит:

— Поглядите вы, Дёмка-горбун как живой улыбается, бабка Ненила плачет от радости, а Леночка как ангел стоит!

Поставили портрет на то место, где торчала раньше позорная скамья, и подписали: «Елена Добрая»...

А немец Карл написал маслом, по просьбе Леночки, ещё двойной портрет Наташи Горшковой и Лёшки-подкидыша — счастливых и красивых. Какими они были во дни их радости...

...Наташа Горшкова плакала, металась: я потеряла самое дорогое в жизни! Как мой ребёнок? Неужто грех мой страшный и его погубит?.. Вавиловна её хотела успокоить:

— В родительскую субботу я понесла в церковь [в Синяках. — *О. Ш.*] подаяние: захватила сахару, круп, сухарей, ситца три аршина, денег полтину. Два рубля разменяла пятаками и понесла по дворам. Дошла до твоей избушки [куда подкинули ребёнка. — *О. Ш.*], гляжу — сенцы открыты наполовину. Я сунула туда узелок, а сама пошла дальше. Прошла улицу — и домой. Я подала тёмную [тайную. — *О. Ш.*] милостыню. На другую неделю послала барыня: понеси, говорит, раздай всем по гривне [в деревне Синяки. — *О. Ш.*]. Вот тут я зашла к старухам, подала: поминайте, говорю, нашего барина — помер. На лежанке заворочался ребёнок. «Это чей у вас гостит?», — спрашиваю. Мокеевна говорит: «Это, сударыня, Бог нам послал, как угодно — хоть гостем, хоть наследником. Да такой малец хорошей! Спасибо, добрые люди не забывают, подают, нетронь растёт!» Малец заплакал. Взяла Мокеевна его на руки: вылитый Лёшка! Глаза голубые,

волосы золотистые, волнистые. Мокеевна полезла в печь, достала горшок, налила молока в рожок — малец насосался и заснул. Мокеевна перекрестила его: «Спи, родимой, пока нужды нет, добрые люди молока приносят». Ты, Наташа, его Филиппком кликала, а старушки Лёшкой зовут — в честь Алексея человека Божия: иконочку Алексея с ним ведь ты сама положила...

Наташа слушала рассказ Вавиловны, слёзы катились по щекам.

— Спасибо тебе, матушка, за твою заботу. Вот бы Лёшка вернулся — радости было бы! Столько прошло время — а от него ни вести ни повести. Не лучше как на каторгу закабалили!

...А Лёшу в Смоленске осудили скорёхонько, приговор вынесли живёхонько. Отправили его в Сибирь на каторгу...

Словарь устаревших и диалектных слов и выражений

Вековуха — старая дева; в крестьянской традиции вековухи были ограничены в обрядовых функциях: например, не могли быть повитухами («пуп резать»).

Взъедуга — от «взъедаться»: вскидываться, напускаться (на кого-л.) с бранью, упрёками.

Доханя (духаня, духанька, духанечка) — народное наименование возлюбленной. Ср.: милка, забава, матаня и др.

Не займётся — не связывается.

Запой (пропой) — просватанье, часть народного свадебного обряда, в ходе которой достигалась окончательная договорённость; после неё невеста считалась просватанной; по другим обрядовым элементам могла именоваться: *рукобитье, сговор, заручины, своды*.

Заручины — от «заручить»; просватанье. См. *запой*.

Застольная — комната, где обедают вместе дворовые люди.

Кацап — пренебрежительное прозвище русских со стороны украинцев; в тексте используется в значении «простолоудин».

Крепаки — крепостные крестьяне.

Людская — комната для дворни, слуг в помещичьем доме.

Малец — мальчик, парень; в псковских и смоленских говорах используется как общее обозначение мужчин младшего поколения старшими.

Мизгирь — паук.

Нётронь — ребёнок, принятый дворовыми людьми на своё довольствие и воспитание без указания помещика, который не мог распоряжаться *нётронью* без их разрешения.

Ни за цапову душу — ни за что ни про что (*цап* — козёл).

Плис — хлопчатобумажная ткань с ворсом («бумажный бархат»).

Поветь — крытое место на дворе для хранения сена.

Повожать (кого-л.) — водиться (с кем-л.).

Пойти уходом — выйти замуж самовольно (*самоходкой*).

Прискепаться — придраться.

Пропить — здесь: просватать. См. *запой*.

Прянцы и баранцы — пряники и баранки.

Рожок — приспособление для кормления младенцев: полый коровий рог с предварительно размягчённым в солёной воде коровьим соском, надетым на тонкий кончик; в рожок наливают коровье молоко, часто разбавленное водой, а также квас или чай, если молока нет.

Серянки — спички.

*Подготовка текста к публикации, комментарии
Ольги Щербининой, Олега Николаева*